

# Лампадка на ветру...

Православный Симбирск  
в акварелях

Д.И. Архангельского

Творчество художника-симбирянина Дмитрия Ивановича Архангельского и скромно, и значительно. В нём соединены Добро, Свет, Радость. И это несмотря на все пережитые художником тяготы и треволения, испытания и скорби.

**М**ного раз приходилось наблюдать за тем, как люди, глядя на его акварели, меняются – становятся светлее, добрее, радостнее. Чудо воздействия его работ очевидно и удивительно. Вероятно, оно истекает от тех чувств, которые испытывал автор, от его светлого, открытого душевного настроения. Его ученик – художник А.А. Пластов в 1964 году

писал: *«Сегодня с утра шёл мелкий тихий снег и сад наш стал необыкновенной сказкой... нереальность окружающего с трудом воспринималась как действительность. У Господа в раю небось вот такие красоты обязательно должны быть. Мы с Налей вспомнили твои акварели. Очень похоже, а главное, та же какая-то безгрешность, больше, святость во всём...»<sup>1</sup>*

В это время Дмитрию Ивановичу

*Подгорье. Петропавловский спуск. 1920-е – начало 1930-х годов.*

*Бумага, акварель, 27х34 Из музейного собрания Ленинского мемориала*



Д.И. Архангельский за рабочим столом.  
Посёлок «Родники». 1976

чу уже почти семьдесят. Живёт он далеко от своей родины – в подмосковном посёлке Родники – и, несмотря на возраст, продолжает неустанно работать. В день, если позволяет здоровье, не одну акварельку напишет. Вокруг лесок, есть и речушка – природа рядом. Мотива долго искать не приходилось. Всё его восхищало: и весенняя нежная зелень, и зимний, укрытый снегом, посеребрённый ельник, и золотые краски осени. Особенно радовался он солнцу. Писал многим своим корреспондентам о красоте природы в том или другом состоянии, любовался цветом, стремясь передать все богатейшие его оттенки, увиденные в натуре.

Однако Дмитрий Иванович Архангельский известен нам прежде всего работами, в которых он запечатлел свой любимый Симбирск. Благодаря его акварелям, рисункам, гравюрам мы видим то, чего уже нет. И оказывается, что для нас это и существенно, и важно, и спасительно. Православный Симбирск в акварелях художника далёк от помпезности, естественен в своей провинциальности, тих. Увиденная художником красота его раскрывается в обыденности проявлений и увлекает нас в пространство камерного, доверительного мироощущения. Всё здесь соединено – и храм, и житейская среда. И во всём разлит покой.

Жил Дмитрий Иванович с семьёй на Шатальной улице, в небольшом деревянном доме, окружённом



садом. Рядом находился Смоленский спуск с чудесным видом на волжские просторы. С бровки косогора художник не раз изображал Петропавловскую церковь и прижавшиеся к ней домишки. Совокупность увиденного не могла не радовать. Здесь были явлены и вековой уклад жизни, и его смыслы, без которых жизнь превращается в пустотелое существование. Тяжело было видеть разрушение этого уклада, уничтожение храмового Симбирска выходцу из сословия духовенства, окончившему духовную семинарию, ценителю церковной архитектуры. Её «собирателем» художник стал ещё до революции. Уже тогда в его работах появляется храм, уже тогда он становится пропагандистом старины.

Дочь Д.И. Архангельского Галина писала ульяновскому библиофилу Николаю Яценко уже после смерти отца: «Мы были и есть семья атеистов, но мы вот так относились к высокохудожественным духовным ценностям нашей Родины: мы их любили и боготворили». И всё же думается, что, выбрав делом жизни искусство и педагогику, художник не мог стать и не стал оголтелым атеистом вместе с теми, кто попирает устои. Его позиция была затаённо-примирительной в силу укоренённого в нём христианского неосудительного смиренного мудрия. Отказ от изготовления антирелигиозных плакатов в послереволюционные годы говорит сам за себя. Художник не мог прямо противостоять разгульному вандализму распоясавшихся безбожников. Он ратовал за сохранение церквей доступными ему способами – изображая и фотографируя памятники, издавая книги («Симбирская старина», 1921; «Захолустье», 1923). О сохранении наследия он говорил доступным ему языком, переводящим проблему в плоскость культуры и художества. Пожалуй, что другой возможности тогда и не было. Спасский собор Спасского женского монастыря – ещё один частый мотив акварелей Д. Архангельского в 1920-е годы. И несмотря на то, что монастырь в это время был уже закрыт, чувствуется, что в этих солнечных, мажорных произведениях ещё живёт надежда.

Опустошённые, захламлённые и заброшенные храмы со снятыми колоколами в последующих работах художника – это свидетельства очевид-



Храм Спаса Нерукотворного Спасского женского монастыря. 1922.  
Бумага, акварель, 22,4x16,1. Из музейного собрания Ленинского мемориала

ца. Это и свидетельство перемены его настроений, утраты иллюзий. Уже невозможно было не замечать необратимых перемен, в которых обозначалась поправшая святыни действительность. Голос увещевающего услышан не был. И более того, стало небезопасно. В 1934 году семья Архангельских в срочном порядке вынуждена была уехать из родного города навсегда. Как писала его жена Надежда Павловна супруге Аркадия Пластова в Прислонику спустя много лет, в 1951 году: «Ульяновск, Волга и наш дом – это наша тайная рана,

незаживающая». И в 1959 году: «Знаете, Наташа, как мне жалко нашего... летнего собора. С какой бы стороны по Волге не подъезжаешь к Симбирску, его всегда видно, он господствовал над городом... В детстве наша семья жила как раз против этого собора, и я его очень любила...»

Утрата была невозполнима. В ней был не только родной очаг, жилище, но прежде всего дух города, с которым соединялась душа, в котором она находила отдохновение.

Непререкаемым подтверждением этому служат и воспоминания

дочери – Галины Дмитриевны. Она писала Н.И. Яценко о том впечатлении, которое производил на её отца вид Троицкого собора:

«Особенно непревзойдённая прелесть кафедрального собора обнаруживалась с парохода, идущего по Волге к Симбирску из Самары. Так было однажды в 1925 году – мы с отцом были свидетелями этой удивительной картины. В те годы Волга делала много извилин, приближаясь к Симбирску, и город то появлялся в глазах пассажиров, то исчезал за поворотом. Мы увидели собор, венчающий город. Это произошло внезапно, и нас охватил трепет. Да, это было нечто сказочное... Наш белый собор словно короной венчает город на горе, и вот всё ближе и ближе... Дмитрий Иванович в моменты наивысшего волнения перед духовной силой красоты никогда ничего не говорил... У него лились слёзы, он тихо плакал, забывая об окружающих... Волнение отца и мне передалось, я готова была разрыдаться... защемила какая-то боль. Почему? Не предчувствие ли это было? Ведь собор наш, наша гордость и любовь, был взорван. Да, да... предательски, варварски – это настоящее злодеяние, и нет ему прощения, и забыть об этом нельзя. Эту боль мы пронесли в своих сердцах всю жизнь. Было ещё много болей за долгую жизнь, но эта никогда не покидала нас: меня и Дмитрия Ивановича Архангельского».



Никольский собор. 1920-30-е годы. Бумага, акварель, 16x20.  
Из музейного собрания Ленинского мемориала

В своей книге «Озарённые радугой» Н.И. Яценко пишет о том, что и во время общения с Дмитрием Ивановичем в Родниках, в 1970-е годы, он видел слёзы, когда художник вспоминал о Симбирске и его соборах.

После отъезда из Симбирска в течение нескольких лет Дмитрий Иванович работал в Калужской области, в

школе-колонии «Бодрая жизнь» преподавателем рисования. А уже перед самой войной, в июне 1941 года, семья переехала в подмосковный посёлок Овражки-Вялки, позже получивший название Родники. Этот посёлок стал его последним пристанищем. Здесь художник прожил почти сорок лет своей долгой, плодотворной, творческой жизни. Здесь он оттачивал мастерство акварелиста, находясь в непрестанном общении с природой. В тиши её лесов и перелесков он нашёл то, что наполняло душу, то, что согревало сердце. Божий мир во всей вековой, неизбывной красе был вокруг. В нём растворялись тягостные переживания и обреталась радость. Отсюда по разным городам и весям разлетались его маленькие акварельки, вложенные в конверты, отправленные бывшим ученикам, друзьям, знакомым. Вместо принятых в то время стандартных, идеологизированных открыток – кусочек природы, увиденной глазами человека, влюблённого в её красоту, напоминание о первоначальном мире, в котором душа веселится о Боге, часто даже и не отдавая себе в этом отчёта. «Я вот тоже ведь живу в овраге, – писал в 1966 году А. Пластов, – но у меня ведь ход в Москву был всегда... а то тоже бы, конечно, мигал на манер тебя, как лампадка на ветру».

Симбирский дворик. 1923. Бумага, акварель, 37x55.  
Из собрания Ульяновского областного художественного музея





Часовня-голубец. Королёвка - заволжская слобода. 1932.  
Бумага, акварель, 14x21,5. Из музейного собрания Ленинского мемориала



Спасский женский монастырь.  
Начало 1930-х годов.  
Бумага, акварель, 9,4x13,2.  
Из музейного собрания  
Ленинского мемориала

Подмена христианских заповедей коммунистической идеологией не лишила художника способности видеть истинный свет. Вечно живая природа – творение Божие – дарила ему этот свет, открывала спасительные объятия, вселяла силы. В тяготе к пейзажному жанру выразилось стремление Д.И. Архангельского уйти в уединённое пространство, дабы обрести целостность мироощущения, почувствовать абсолютную и мудрую гармонию бытия. «В живописи, в акварели замкнись, работай... в тиши, в лесу, на речке, в овраге, в горах, в пути, и ты найдёшь радость

светлую и постоянную...», – так он писал в 1956 году ученику Борису Жутовскому. Выбор акварельной техники был не случайным. В прозрачности тончайших слоёв краски сохранялась светоносность бумаги, натура лишалась весомости, обретала бестелесную лёгкость, одухотворённость. Чудесное это перевоплощение материи сродни иконе, в которой явлен дух, а не плоть. Его «пожизненный» ученик и единомышленник, живописец А. Пластов, глубоко чувствуя и разделяя эту «сверхзадачу», звал своего друга и учителя в 1962 году в Прислониху: «Акварели здесь хватит, и мотивов тоже, и тишины, и неба, и всякой Божьей свежести и чистоты...»

Несмотря на удалённость от очагов цивилизации, от культурных центров, а может быть и благодаря этому, Д.И. Архангельский обрёл свою тему, стал пейзажным мастером-акварелистом, творчеством которого восхищались не только обычные зрители, но и прославленные художники. К нему в Родники приезжало множество людей. И все они восторгались не только его произведениями, но и даром радушия щедрой, светлой души, раскрытой людям. «Надо Вам сознаться, что я люблю искусство, природу и людей. А когда пишу, я всегда испытывал и испытываю необыкновенный подъём и радость. Вот, может быть, поэтому в работах моих где-то остаются

эти мои чувства и передаются зрителям. И если это в какой-то степени так, то из-за этого стоит работать. Правда?» – так писал Дмитрий Иванович ульяновскому искусствоведу, сотруднику художественного музея Наталье Храмцовой.

Душа художника, как чистый родник, была напоена любовью. Он был далёк от какой-либо позы. Его дом был открыт для всех. Никто не уходил без подарков. Всё, что нравилось посетителю, любую работу, Дмитрий Иванович дарил не раздумывая, с радостью. Семья жила очень скромно. Никаких материальных накоплений не было. Всё богатство концентрировалось в душе и произведениях этого замечательного Человека, Художника, Учителя.

Прожил Дмитрий Иванович Архангельский большую жизнь – 95 лет. Соединила эта жизнь век XIX и век XX. И наверное, в этом был особый, высший смысл. В судьбе, в творчестве этого подвижника хранила культура отнятые у неё значения, без которых не могла бы существовать, без которых не может жить на свете человек, общество. Даже если эти смыслы неявно обозначены, а только где далеко-далеко и бережно спрятаны, до лучших времён. Хочется думать, что они пришли, эти времена, что люди опомнились, устремились к живительным истокам, несмотря на все нынешние, меркантильные уже препоны. Строятся храмы Ульяновска. Возрождён к жизни Спасский женский монастырь. И многое другое делается для восстановления здравомыслия, во имя процветания православного нашего Отечества. И мы снова и снова вглядываемся в произведения художника, посвящённые Симбирску, смотрим на его сияющие светом пейзажные акварели, на чудный, данный Богом мир. Смотрим в прошлое, чтобы идти в будущее, уже не сворачивая, не петляя, памятуя о тех, кто смог преодолеть многое и уйти от многого для сохранения в себе единственно ценного – душевного смиренномудрия и чистоты.

**Инна Матюнина,**  
старший научный сотрудник  
Ульяновского областного  
художественного музея

<sup>1</sup> В статье использованы цитаты из писем, опубликованных в книгах: Яценко Н.И. Озарённые радугой. – Ульяновск, 1993; Живу и дышу родным городом / составитель В.М. Костягина. – Ульяновск, 2009; Архангельский Д.И. Дорогой мой Борька... – Москва, 2006.

Электронные изображения акварелей и фотографий Д.И. Архангельского предоставлены отделом фондов ОГАУК «Ленинский мемориал»